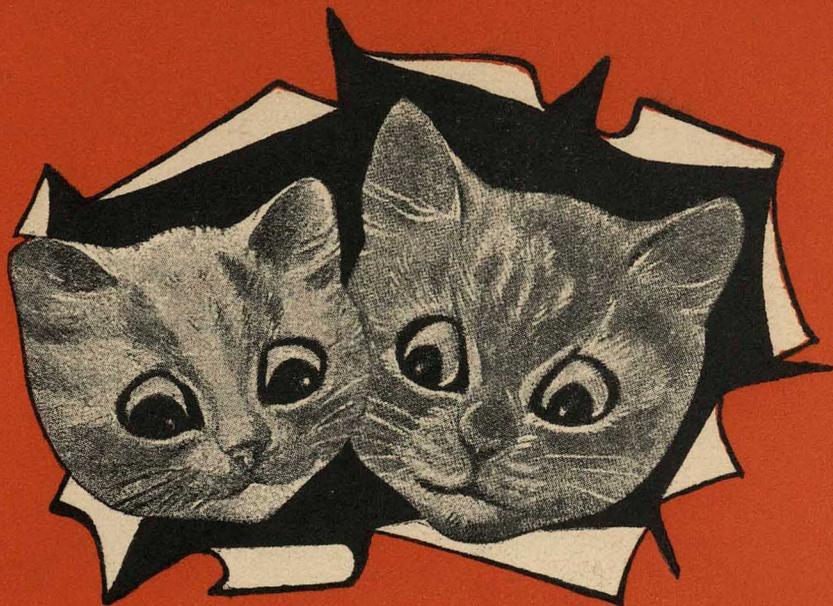

Годъ изданія четвертый

НОЯБРЬ

№ 2.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

ПТИЧКИ.
НА ЧУЖБИНѢ (повѣсть).
ПРОШЛА ОСЕННЯЯ ПОРА.
БОЛТУНЬЯ.
ПОЧЕМУ И ПОТОМУ.
ГОЛОВОЛОМКИ И ПРОЧ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Памятникъ взятія Русскими
Казани въ 1552 году (для склеиванія).

№ 2. Ноябрь, 1910.

Годъ изданія IV-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Итальянскій мальчикъ.

ПТИЧКИ.

Едва разсвѣта лучъ зардѣетъ
 Въ прозрачномъ сумракѣ небесъ
 И вѣтеръ ласково повѣетъ
 И зашумитъ зеленый лѣсъ,
 Затѣмъ окраску золотую
 Наброситъ солнце на кусты
 И съ лепестковъ росу ночную
 Уронятъ сонные цвѣты,
 Мы огласимъ нашъ боръ тѣнистый
 Веселымъ хоромъ голосовъ
 И трелью звонко-серебристой
 Пробудимъ жизнь въ тѣни лѣсовъ.
 Мы шлемъ привѣтъ полямъ зеленымъ
 И нѣжно-синимъ василькамъ

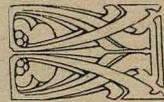
Мы воду пьемъ въ ручьѣ студеномъ,
 Въ лѣсу порхаемъ по кустамъ.
 Тиха, прохладна глушь лѣсная.
 Бѣжитъ, струится ручеекъ
 И цѣлый день, не умолкая,
 Звенитъ тамъ птичій голосокъ!
 ...Лишь только холодомъ повѣетъ,
 Мы улетимъ на жаркій югъ,
 Гдѣ травка ярко зеленѣетъ,
 Гдѣ нѣтъ зимы и снѣжныхъ вьюгъ.
 Но къ нашей родинѣ далекой
 Весна насъ снова позоветъ,
 Когда въ лѣсу, въ травѣ высокой
 Душистый ландышъ зацвѣтетъ.

Е. Селунская.

НА ЧУЖБИНѢ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Соня проснулась поздно, такъ какъ плохо спала ночь, и никто ее не разбудилъ. Когда она одѣлась и вышла, чтобы умыться, то во всемъ домѣ не было ни души, такъ что никто не могъ указать ей, гдѣ находится умывальникъ. Она взяла полотенце и вышла на дворъ. Теперь, при дневномъ свѣтѣ, она увидала, что домъ былъ очень великъ и простораненъ, чтосадиного тянулся большой, старый запущенный садъ и было

множество службъ, которыя, повидимому, теперь пустовали и были заперты.

Постоявъ немного на крыльцѣ и оглядѣвшись по сторонамъ, Соня замѣтила въ глубинѣ двора колодезь и пошла къ нему. Большая, черная, лохматая собака выбѣжала изъ будки и залаяла на нее, но понявъ, что это еще ребенокъ, завиляла хвостомъ и близко подошла къ ней. Соня потрепала ее по спинѣ, подошла къ

колодцу, накачала въ корыто воды и умылась изъ него. Вышла изъ людской какая-то женщина и, приложивъ къ глазамъ ладонь, чтобы лучше было видно противъ солнца, долго смотрѣла на Соню, а потомъ подошла къ ней и долго молча оглядывала ее со всѣхъ сторонъ. Сонѣ стало неловко.

— Красавица ты моя! вдругъ сказала нараспѣвъ женщина. — Ангелъ ты божій съ небеси! Откуда ты къ намъ сюда залетѣла?

И она смотрѣла на Соню такими ласковыми, восторженными глазами, точно Соня дѣйствительно слетѣла сюда съ неба.

— Какъ тебя зовутъ? спросила Соня женщину.

— Прасковьей, красавица моя, Прасковьей! А тебя-то какъ, болѣзную мою?

— Меня—Соней.

— И имячко-то какое, словно-бы ангельское! Кажись, всю жизнь смотрѣла-бы на тебя и глазъ-бы отъ тебя не отрывала!

А потомъ она подошла близко къ Сонѣ, нагнулась надъ ней и тихонько, точно боясь, какъ-бы ее ктонибудь не подслушалъ, заговорила:

— Дай рученьку твою ангельскую; пойдемъ, я тебѣ сливочекъ нацѣжу!

Соня дала ей руку и обѣ онѣ отправились въ людскую. Здѣсь было чисто, весь полъ, чтобы его не пачкали ногами, былъ усыпанъ свѣжей соломой и вкусно пахло печенымъ хлѣбомъ. Неѣвшая еще со вчераш-

няго дня, Соня почувствовала вдругъ голодъ и ей почему-то захотѣлось съѣсть корочку печенаго хлѣба, и именно корочку, а не мякишъ. Прасковья усадила ее на лавку, сбѣгала въ сѣни, внесла кринку молока, сцѣдила съ нея сливки въ большую чайную чашку и подала ихъ Сонѣ. Затѣмъ она полѣзла въ печь, достала оттуда ковригу горячаго хлѣба, отрѣзала онѣ нея большую горбушку и положила передъ Соней.

— Кушай, болѣзная! сказала она.— Кушай на здоровье!

И пока Соня ѣла съ большимъ аппетитомъ черный ржаной хлѣбъ и запивала его сливками, Прасковья стояла у стѣны, подперши щеку ладонью, и не сводила глазъ съ Сони.

— Кокоренька ты моя, бормотала она, сильно напирая на букву «о»,— красота ты моя ангельская! Залетѣла ты къ намъ сюда изъ своихъ райскихъ мѣстъ!

Сонѣ было пріятно, что эта женщина съ первой же минуты отнеслась къ ней такъ ласково. Она встала изъ-за стола, подошла къ ней, обняла ее за шею обѣими руками и крѣпко поцѣловала. Это такъ растрогало Прасковью, что двѣ слезы выкатились у нея изъ глазъ и упали на землю. Сонѣ хотѣлось поговорить съ ней, распросить ее обо всемъ, но въ это время вошелъ въ людскую какой-то мужчина и сказалъ:

— Прасковья, телята въ огородъ зашли!

Прасковья встрепенулась, попра-

вила на себѣ платокъ и со всѣхъ ногъ бросилась изъ людской. Соня тоже вышла изъ людской и отправилась обратно въ домъ. Здѣсь было пусто, такъ-же уныло, какъ и вчера, но видно было, что когда-то въ этомъ домѣ жили весело и хорошо. Когда она снова вошла въ кабинетъ, въ которомъ на диванѣ еще лежала неубранной ея постель, то у стола уже сидѣлъ ея дядя и, низко склонившись, что-то писалъ. Она подошла къ нему, сдѣлала передъ нимъ реверансъ и робко сказала:

— Доброе утро, дядя...

Онъ поднялъ голову, посмотрѣлъ на нее, поправилъ у нея на лбу волосы и грустно улыбнулся.

— Какъ ты спала? спросилъ онъ.

— Мерси... отвѣтила она.

— Пойди въ столовую и напейся тамъ кофе... Кофейникъ еще кипитъ... Налей себѣ пожалуйста сама, а то я сейчасъ занятъ!

Она поблагодарила его, сказала ему, что пила уже молоко, чѣмъ привела его въ удивленіе, и принялась убирать за собой постель. Сложивши простыни и одѣяло, она взяла ихъ въ охапку и вынесла изъ кабинета. Въ сосѣдней комнатѣ была спальня дяди. Она вошла въ нее и положила свои пожитки на его постель. Вся спальня была увѣшена большими и малыми портретами жены и дочери дяди. Соня остановилась передъ однимъ изъ портретовъ своей двоюродной сестры и долго на него смотрѣла. На немъ была нарисована дѣвочка

такъ поразительно хорошо, что казалась живою. Ее тоже звали Соней и между ею и смотрѣвшею на нее живою Соней было столько общаго, фамильнаго сходства, что всякій посторонній человѣкъ сразу сказалъ бы, что онѣ родственницы.

Откуда-то сбоку послышался звонокъ. Соня вышла изъ спальни и вдругъ, къ удивленію своему, увидела Борю, который со всѣхъ ногъ промчался по корридору и выскочилъ въ садъ.

— Ты куда? успѣла спросить его Соня.

— Удираю! отвѣтилъ онъ ей на бѣгу.—Слышишь—звонокъ? Это учитель зоветъ заниматься!

Соня пошла на звонъ колокольчика и скоро увидела себя въ класной комнатѣ. На стѣнѣ висѣла черная доска, стояла парта, были развѣшаны географическія карты и за отдѣльнымъ столикомъ сидѣлъ учитель Иванъ Игнатьичъ и звонилъ въ звонокъ. Увидѣвъ Соню, онъ пересталъ звонить и встрѣтилъ ее съ ласковой улыбкой.

— Вы тоже, барышня, пришли учиться? спросилъ онъ.

Она сдѣлала ему реверансъ, и боясь отвѣтить «нѣтъ», сказала «да». Онъ подошелъ къ ней, взялъ ее за руку и посадилъ ее около себя за столъ.

— Вамъ сколько лѣтъ? спросилъ онъ

— Девять, отвѣтила она.

— Вы умѣете читать?

— Да... По-русски, по-французски и по-нѣмецки...

— Ого! А ну-ка прочтите по-русски!

Онъ развернулъ передъ нею книгу и попросилъ ее прочесть. Она прочла бойко, безъ одной ошибки, такъ какъ умѣла уже хорошо читать. Послѣ этого онъ спросилъ ее изъ ариѳметики. Оказалось, что она уже умѣла дѣлать несложныя задачи на четыре дѣйствія, но ея умѣнье рассказывать исторіи изъ Ветхаго и Новаго завѣта положительно привело его въ восторгъ.

— Кто васъ училъ? спросилъ онъ.

— Я жила въ Крыму, отвѣтила она, и ко мнѣ каждый день ходила учительница Нина Александровна. Она готовила меня въ гимназію...

Глазу Ивана Игнатьича заблестали.

— Знаете, что, Соня? сказалъ онъ. — Давайте я васъ буду учить! Когда придетъ время, вы можете быть и поступите въ гимназію, все-таки и вамъ будетъ веселѣе!

Она согласилась и они проучились болѣе двухъ часовъ. Боря такъ и не приходилъ. По окончаніи уроковъ Иванъ Игнатьичъ взялъ Сою за руку и повелъ ее въ паркъ. Это былъ большой, запущенный паркъ, теперь уже похожій на лѣсъ. Послѣ вчерашняго дождя по дорожкамъ кое-гдѣ стояли еще лужи и по нимъ плавали осыпавшіеся, начавшіе уже желтѣть листья. Черезъ овражки были перекинуты мостки, когда-то сдѣланные заботливой рукой, и тамъ и

сымъ виднѣлись бесѣдки, пришедшія теперь ужъ въ ветхость. На одной изъ площадокъ стояли склонившіеся на бокъ солнечныя часы. Послѣ южной роскошной природы и щегольскихъ садовъ здѣсь показалось Сонѣ угрюмо, но въ то-же время какая-то невѣдомая еще для нея прелесть открывалась передъ ней въ этой сѣверной, задумчивой природѣ.

— Вамъ нравится здѣсь? спросилъ ее Иванъ Игнатьичъ.

Ей не хотѣлось его обидѣть и она отвѣтила: «да». А потомъ, точно ее осѣнила блестящая мысль, она сказала:

— Давайте бѣгать!

— Давайте! отвѣтилъ онъ.

И съ звонкимъ смѣхомъ они побѣжали по заросшимъ аллеямъ парка. Она бѣжала быстро, такъ быстро, что онъ едва за нею поспѣвалъ; ея голубое платье мелькало между деревьями, а серебристый веселый смѣхъ наполнилъ собою давно уже не видавшій подъ своими вѣтвями дѣтей паркъ. Они пробѣжали двѣ-три аллеи и повернули къ дому. Когда они мчались мимо террасы, то изъ окна кабинета, выходявшаго на нее, выглянулъ дядя и, какъ показалось Ивану Игнатьичу, лицо его озарилось радостной улыбкой.

Боря куда-то исчезъ и не показывался до самого обѣда. Обѣдали рано. За отсутствіемъ хозяйки, каждый наливалъ себѣ супъ и накладывалъ себѣ на тарелку самъ. Соня тотчасъ-же сообразила это, сѣла во главѣ стола и стала всѣхъ угощать. Это было

забавно. Иванъ Игнатьичъ весело поглядывалъ на нее и шутилъ надъ нею, а дядя смотрѣлъ на нее какъ-то исподлобья, но тоже улыбался.

— Боря, ѣшь еще! обратилась Соня къ двоюродному брату.

Онъ подставилъ ей тарелку и она положила ему чуть не половину всего кушанья. Онъ поцеремонился немного, но потомъ съѣлъ все.

Послѣ обѣда дядя удалился къ себѣ въ кабинетъ и не выходилъ изъ него уже до самаго вечера. Чай пили безъ него, онъ вышелъ только къ ужину. Ужинали рано, въ восемь часовъ, и затѣмъ разошлись всѣ по своимъ мѣстамъ. Соня снова спала въ кабинетѣ, и только на слѣдующій день ей устроили кровать въ бывшей комнатѣ ея покойной двоюродной сестры. Это была веселенькая, выходившая на солнце, комната съ голубыми обоями и, помѣстившись въ ней, Соня почувствовала себя немного дома. Никакой женской прислуги въ домѣ не было и отсутствіе женской руки замѣчалось на всемъ. Это было тяжело для Сони и она скоро заскучала. Она была предоставлена самой себѣ, никто ее не стѣснялъ, но эта свобода была для нея безцѣльна и если бы не уроки и дружба Ивана Игнатьевича, да соболѣзнованія Прасковьи, то она скоро стала-бы здѣсь плакать.

— Красота ты моя неописанная! причитала надъ ней всякій разъ Прасковья.—Ангелочекъ ты мой небесный! Кокоренька ты моя пріятная

Наступало утро, Соня вставала, убирала свою комнату, затѣмъ шла въ классную учиться, потомъ гуляли, обѣдали, пили чай и ужинали, затѣмъ ложились спать—и такъ было каждый день. Сегодня было похоже на вчера, а завтра было таково-же, какъ и сегодня—и дни потянулись передъ Соней однообразной чередой, летѣли скоро, мелькали одинъ за другимъ и все-таки казалось, что каждому отдѣльному дню не будетъ и конца.

«Поскорѣ-бы письмо отъ папы!» думала Соня.

Но письма отъ папы не приходили.

Каждое воскресенье ѣздили въ село, къ обѣднѣ. Послѣ обѣдни шли къ могилкамъ тети и двоюродной сестры, долго стояли около нихъ и молчали. Затѣмъ, полные грусти, возвращались домой.

Однажды она вышла въ паркъ. Былъ жаркій полдень. Небо было безоблачно и такое голубое, какъ въ Крыму. Она долго думала объ отцѣ и о нянѣ, по которой очень соскучилась, а затѣмъ легла на траву, заложила руки себѣ подъ голову и, глядя въ безконечное голубое небо, стала пѣть. У нея былъ очень милый, звонкій голосокъ и она знала много пѣсенокъ, которыя научилъ ее ея папа, когда еще не уѣзжалъ на Дальній Востокъ. Какъ вдругъ она слышала невдалекѣ отъ себя шаги своего дяди. Она смутилась, вскочила на ноги и такъ какъ не видѣла его со вчерашняго дня, то сдѣлала ему

реверансъ. Онъ сѣлъ на скамью и притянулъ ее къ себѣ.

— Пой, дитя мое! ласково обратился онъ къ ней.—Твой голосокъ доставляетъ мнѣ удовольствіе. Отчего ты смолкла? У меня когда-то была дочурка, которая уже умерла. Она тоже пѣла такъ-же, какъ и ты. И тѣ-же самыя пѣсни...

Онъ вздохнулъ, а затѣмъ, перемѣнивъ вдругъ тонъ, задалъ ей вопросъ:

— Ты давно получила отъ папы письмо?

— Онъ мнѣ сюда не писалъ еще ни одного раза... отвѣтила она и на глазахъ у нея заблестѣли слезы.

— Ну, а сама-то ты ему пишешь?

— Каждые два дня.

— Я получилъ отъ него сегодня письмо. Онъ благодаритъ меня за тебя и проситъ меня сдѣлать все, чтобы ты не скучала. Ты не жалуешься ему въ своихъ письмахъ на меня?

— На что-же мнѣ жаловаться?

— А на то, что тебѣ здѣсь скучно! Развѣ я не вижу, какъ ты здѣсь тоскуешь, какъ ты здѣсь одинока? Но мое личное горе отдалило меня отъ людей и я ни у кого не бываю изъ сосѣдей, гдѣ есть дѣти... Къ счастью, у тебя есть двоюродный братъ Боря, мой сынъ, съ которымъ, вѣроятно, ты уже подружилась и играешь вмѣстѣ...

Соня съ удивленіемъ поглядѣла на него. Неужели онъ говоритъ о Борѣ и объ ея дружбѣ съ нимъ серьезно?

А онъ провелъ рукой по ея волосамъ и сказалъ:

— Ты похожа на своего отца.

Это была первая ласковая бесѣда дяди съ Соней. Она взглянула ему въ его печальные глаза, ей стало его почему-то безконечно жаль, и слѣдуя какому-то необъяснимому голосу, заговорившему вдругъ въ ея душѣ, она схватила его за руку и быстро поцѣловала его въ щеку. Это очень тронуло дядю. Онъ улыбнулся, лицо его просіяло и онъ съ еще большей нѣжностью сказалъ:

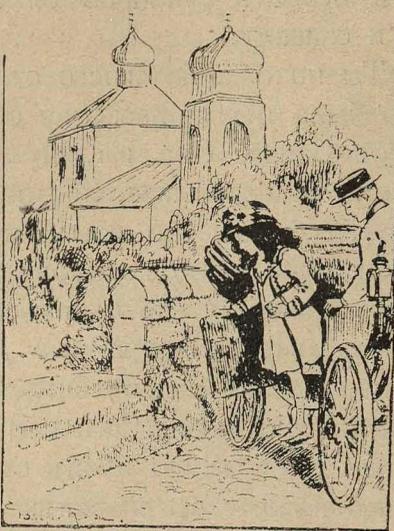
— Ты похожа также и на мою дочь... Ее тоже звали Соней.

А затѣмъ онъ быстро поднялся со скамьи и ушелъ. Соня долго въ удивленіи смотрѣла ему вслѣдъ. Неужели дядя способенъ на ласку? Неужели ей удалось смягчить его сердце, сгладить хотя нѣсколько его печаль хотя бы тѣмъ, что она походила на его покойную дочь? И, довольная собой, Соня зашагала по аллеѣ и стала громко распѣвать свои пѣсни.

— Пой, пой, стрекоза! вдругъ слышался сзади нея голосъ Бори.— Скоро настанетъ морозъ, такъ ты будешь тогда плясать!

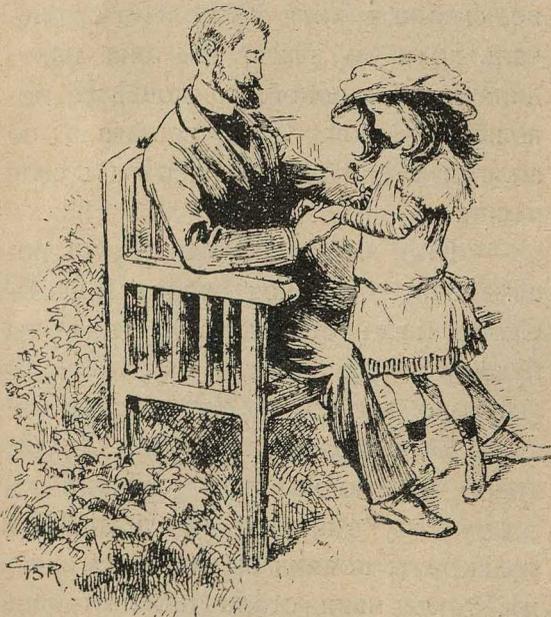
И онъ весело, но зло размѣялся.

— Что! продолжалъ онъ.— Достаточно ты подмазалась сейчасъ къ моему отцу? Какая ты подлиза! Какъ только ты появилась въ нашемъ домѣ, такъ меня стали каждый день попрекать тобой. И папа, и Иванъ Игнатьевичъ, и всѣ... Прежде я дѣ-

Каждое воскресенье ѣздили въ село къ обѣднѣ.

даль, что хотѣлъ, а теперь мнѣ только и говорятъ:—«Ты-бы бралъ примѣръ съ Сони! Ты-бы учился, какъ она! Ты-бы вель себя, какъ она!»

— Пой, дитя мое! Твой голосокъ доставляетъ мнѣ удовольствіе...

А какъ ты себя ведешь? Я видѣлъ сейчасъ, какъ ты подлизывалась къ моему отцу!

И онъ гнѣвно сверкнулъ на нее глазами.

— Хорошо-же! сказалъ онъ. — Я тебѣ за это отплачу! Приживалка!

Она въ удивленіи смотрѣла на него во всѣ глаза и не знала, что ему отвѣтить.

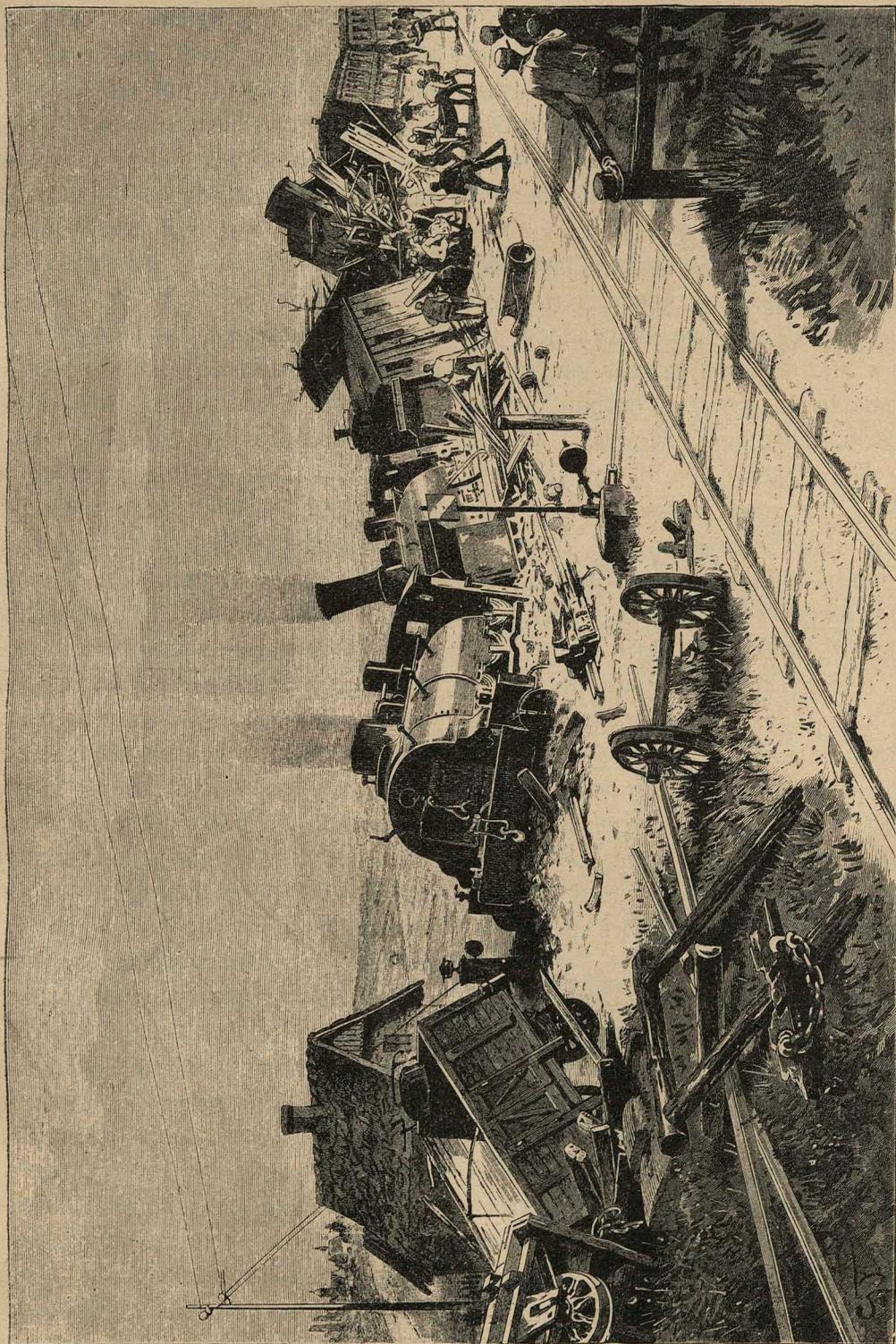
— Я ничего... залепетала она. — Я никогда не хотѣла тебѣ мѣшать...

— Кто здѣсь плачетъ?

— Не хотѣла мѣшать? А благодаря кому это, мой учитель сталъ со мной строже, чѣмъ былъ раньше? Кто тебя просилъ показывать здѣсь свои дурацкія познанія и хвастаться ими? Зачѣмъ ты вѣшаешься на шею моему отцу?

Онъ говорилъ и не замѣчалъ, какая блѣдность покрыла вдругъ лицо Сони, и какъ задрожали ея губы и наполнились слезами глаза. Выслу-

Крушение поезда.

шавъ его до конца, она со всѣхъ ногъ бросилась бѣжать отъ него по аллеѣ парка, ведшей къ калиткѣ, выбѣжала въ поле, долго летѣла вдоль него, какъ стрѣла, и, полная обиды, вдругъ вся въ слезахъ, упала на траву и стала рыдать.

Свѣтило солнце, высоко на небѣ летѣли журавли и кричали и было такъ тихо, что не шевелился ни одинъ листъ. Соня лежала на травѣ и плакала и чувство острой обиды наполнило все ея существо.

— Кто здѣсь плачетъ? вдругъ раздался около нея чей-то голосъ.— Я слышу чьи-то рыданія.

Соня подняла голову. Около нея стояла какая-то женщина, вся въ черномъ и съ палкой въ рукѣ.

— Кто здѣсь? спросила она.

Соня поглядѣла на нее и увидѣла, что эта женщина была слѣпая.

Съ закрытыми глазами она глядѣла вверхъ и ощупывала передъ собою землю палкой. Она была одѣта довольно прилично и отъ всей ея фигуры вѣяло достоинствомъ и благородствомъ.

— Я изъ усадьбы моего дяди... отвѣтила Соня.— Изъ Поньрей...

— Изъ Поньрей? переспросила женщина.— Значитъ, ты Соня? Та Соня, которую привезли сюда изъ Крыма?

— Да, отвѣтила Соня съ удивленіемъ.— Откуда вы это знаете? Кто вамъ объ этомъ сказалъ?

— Учитель изъ Поньрей... Иванъ Игнатьичъ... Онъ мой племянникъ... Значитъ, онъ еще не говорилъ тебѣ,

что у него есть слѣпая тетка. Я живу недалеко отсюда, въ своемъ домишкѣ. . Пойдемъ ко мнѣ, а затѣмъ моя дѣвушка сведетъ тебя домой...

— Домой? удивилась Соня.— У меня здѣсь нѣтъ дома... Сейчасъ Боря сказалъ мнѣ, что я у нихъ—приживалка!

— Онъ это сказалъ? спросила слѣпая тономъ глубокаго участія и утѣшенія.— Онъ могъ такъ тебя обидѣть?

Она подошла къ дѣвчкѣ поближе и ощупала ея волосы, плечи, лицо. Затѣмъ она притянула ее къ себѣ и, все еще глядя своими потухшими глазами въ небо, ласково сказала:

— Бѣдная, бѣдная моя сироточка! Да сохранить тебя Господь!

Подъ вліяніемъ какого-то страннаго, необъяснимаго довѣрія, Соня прижалась къ груди слѣпой и стала плакать. Она чувствовала, она подозрѣвала, что эта слѣпая, которая лишена была способности видѣть во кругъ себя Божій міръ, обладала способностью проникать въ души другихъ и видѣть въ нихъ тѣ божественные лучи правды, порядочности и доброты, какихъ не замѣчали многіе другіе.

Слѣпую звали Ольга Ивановна. Она жила въ своемъ собственномъ хуторѣ, недалеко отъ усадьбы Леонтьевыхъ, получала небольшую пенсію и кое-какъ сводила концы съ концами. Это была женщина, испытанная судьбой, добрая и великодушная, способная на самопожертвованіе для другихъ. Еще въ былые

годы, когда она еще не была слѣпой, она воспитала своего племянника, дала ему образованіе и сдѣлала изъ него учителя. Это и былъ тотъ Иванъ Игнатьевичъ, съ которымъ познакомилась Соня въ усадьбѣ и который потомъ сталъ ее учить. Ему было обѣщано мѣсто въ одномъ изъ училищъ въ городѣ, но въ ожиданіи его онъ долженъ былъ поступить въ учителя къ Борѣ. Къ сожалѣнію, нежеланіе этого мальчика учиться и грубости, съ которыми онъ обращался со своимъ учителемъ, заставляли его страдать, а съ нимъ вмѣстѣ горевала и его тетюшка Ольга Ивановна. Иванъ Игнатьевичъ скоро привязался къ своей новой ученицѣ, ему было жаль, что она была одинока, и, когда онъ приходилъ къ Ольгѣ Ивановнѣ, то всякій разъ такъ восторженно отзывался о ней, что его тетюшка живо ею заинтересовалась и пожелала ее узнать. И вотъ случай ихъ свелъ.

Соня была такого возраста, когда всякое острое горе сразу проходитъ, и потому, обласканная Ольгой Ивановной, отерла свои глазки и послушно за ней послѣдовала

— Пойдемъ, моя милая дѣвочка, говорила ей слѣпая по дорогѣ.— Не надо плакать!.. Стоитъ-ли убиваться изъ-за пустяковъ!

Скоро онѣ пришли въ хуторокъ. Слѣпая взяла дѣвочку за руку и ввела къ себѣ въ домикъ. Здѣсь все было мило и уютно. На окнахъ висѣли тюлевыя занавѣсочки, комодъ и столики были покрыты вязаными сал-

фетками и передъ образомъ горѣла лампадка. Войдя въ комнату, слѣпая усадила Соню за столъ, вышла и вскорѣ затѣмъ вернулась съ кувшинчикомъ сливокъ и съ блюдомъ румяныхъ яблокъ.

— Кушай! обратилась она къ Сонѣ.— Ъшь на здоровье!

Соня не заставила себя уговаривать и стала ѣсть. Ольга Ивановна сѣла около нея, взяла съ блюда яблоко, ощупала его и ловко срѣзала съ него ножикомъ кожуру.

— Какъ это вы такъ можете? спросила ее Соня.— Вѣдь вы-же ничего не видите!

— Я вижу пальцами, отвѣтила Ольга Ивановна и засмѣялась.— У насъ, слѣпыхъ, очень развито осязаніе. Не будь его, мы погибли-бы съ голоду и заблудились-бы такъ, что насъ послѣ никто-бы и не нашель! Всѣ эти салфеточки на столахъ я вязала сама и вяжу ихъ и теперь.

И прежде чѣмъ удивленная Соня успѣла что-либо сказать, она закричала:

— Киночка! Кина!

И вдругъ изъ сосѣдней комнатки вылетѣла на ея зовъ канарейка и сѣла ей на плечо.

— Это моя подруга... продолжала слѣпая.— Ты любишь животныхъ?

Глаза Сони заблестали. Она вспомнила о своемъ попугаѣ. Это она-то, Соня, не любитъ животныхъ? Да она готова цѣлые дни играть съ котенкомъ и не знать, что такое скука,

цѣлые дни проводить въ обществѣ попугая и не желать никуда идти.

— Я очень люблю животных, отвѣтила она.—Въ особенности маленькихъ щеняткохъ и птицъ!

И, вспомнивъ вдругъ разсказъ о томъ, какъ злые люди отвязали однажды отъ слѣпого водившую его собачку и оставили его одного, а собачку, чтобы она не возвратилась къ своему хозяину, убили,—она задала вдругъ Ольгѣ Ивановнѣ вопросъ:

— Вамъ будетъ очень обидно, если эту канарейку у васъ убьютъ?

— Кто? спросила слѣпая.

— Злые люди.

Ольга Ивановна нахмурилась и сказала:

— Что-жъ съ ними сдѣлаешь? Придется ихъ простить!

Соня опустила головку. Неужели и она должна простить Борю за то, что онъ такъ грубо обошелся съ нею и назвалъ ее приживалкой?

Но въ это время Ольга Ивановна поднялась съ мѣста и потрепала Соню по щекѣ.

— Пора... сказала она.—Твой дядя будетъ беспокоиться, когда узнаетъ, что тебя нѣтъ дома... Вѣдь онъ тебя очень любитъ... Я знаю это черезъ моего племянника.

Соня широко раскрыла глаза.

— Меня дядя любитъ?.. спросила она съ удивленіемъ.—Меня?.. Мой дядя?..

— Да, отвѣтила слѣпая.—Я знаю его. Это превосходный человекъ. Но то несчастье, которое приключилось

съ нимъ и лишило его семьи, заставило его казаться такимъ суровымъ.

— А Боря?..

— Ну, ты его побѣдишь тѣмъ, что ты добра! Это былъ когда-то прекрасный мальчикъ, которымъ восхищались всѣ. Когда была жива его сестра, то онъ не былъ такъ одинокъ, какъ теперь, и душа его была мягка, какъ воскъ. Безъ ласки, безъ матери и сестры, предоставленный самому себѣ, онъ, конечно, сталъ грубѣть и сердце его ожесточилось. Ты должна замѣнить ему его родную сестру!

— А зачѣмъ онъ меня называетъ приживалкой? Зачѣмъ онъ меня дразнить стрекозой?

— Стрекозой? улыбнулась слѣпая.

— Да... Я люблю пѣть и часто пою, а онъ за это меня называетъ стрекозой и говоритъ: «ты все пѣла—это дѣло, такъ поди-же попляши!».

Ольга Ивановна улыбнулась во все лицо.

— Но вѣдь это такъ мило быть стрекозой! воскликнула она.—Посмотри, какъ онъ красивы, и какъ радостно рѣютъ надъ рѣкой! Когда я могла еще видѣть, то я очень любила наблюдать за ними и слушать, какъ онѣ стрекочутъ своими крыльями. Не бойся-же, Сонечка, не стыдись! Будь и на самомъ дѣлѣ, какъ стрекоза. Внеси въ этотъ мрачный, угрюмый домъ побольше веселости, жизни; летай, шуми, пой въ немъ, какъ стрекоза. Веселись сама и старайся заразить свою веселостью и другихъ! И ты увидишь, какъ начнетъ

— А я его не вижу уже болѣе двадцати лѣтъ! оттаивать сердце твоего дяди и какъ вся жизнь здѣсь потечетъ иначе, чѣмъ теперь!

Соня задумчиво покачала головой.

— Нѣтъ, вздохнула она. — Я не сумѣю этого сдѣлать. Мнѣ здѣсь такъ тоскливо, здѣсь все такъ мрачно, такъ печально, точно въ домѣ лежитъ покойникъ. Кромѣ того, здѣсь всегда такъ мало солнца, я его такъ рѣдко здѣсь вижу!..

— А я его не вижу уже болѣе двадцати лѣтъ! вздохнула слѣпая.

Дѣвочка смутилась.

— Хорошо, сказала она. — Я постараюсь быть веселой...

— А теперь иди, дѣточка, домой! Тебя вѣроятно уже тамъ заждались давно!

Она кликнула свою прислугу и та проводила Соню домой.

Возвратившись въ усадьбу, Соня

застала тамъ полный переполохъ. Ее хватились, всюду искали, думали, что она утонула въ рѣкѣ и хотѣли уже посылать за рыбаками, чтобы ее искать. Дядя потерялъ голову. Боря приписывалъ ей исчезновеніе своей грубости съ ней и ходилъ, какъ потерянный. Когда-же явилась Соня, то онъ побоялся, какъ-бы она не нажаловалась на него его отцу, и куда-то скрылся. Что-же касается дяди, то онъ встрѣтилъ ее съ распростертыми объятіями, схватилъ ее на руки и долго, хотя и молча, носилъ ее взадъ и впередъ по комнатамъ и прижималъ ее къ себѣ. Затѣмъ онъ вывелъ ее въ паркъ и долго гулялъ съ ней по дорожкамъ и по травѣ. Онъ спрашивалъ ее, гдѣ она была, а она отвѣчала ему искренно и правдиво и не утаивала отъ него ничего.

Съ этого дня жизнь въ старомъ,

Онъ спрашивалъ ее, гдѣ она была.

угрюмомъ домѣ аккъ-то сразу пере-
мѣнилась. Съ утра и до вечера въ
немъ стали раздаваться веселые смѣхи
Сони и Бори, они бѣгали по комна-
тамъ взапуски и во весь голосъ рас-
пѣвали свои пѣсни. Соня рѣшила
быть веселой, а глядя на нее, сталъ
слѣдовать ея примѣру и Боря.

И слушая ихъ голоса, дядя чув-
ствовалъ, какъ оттаивало его сердце
и какъ все шире и шире открыва-
лось для этой дѣвочки, которая такъ
походила на его дочь.

— Пой, пой, стрекоза! говорилъ
онъ, прислушиваясь къ ея голосу.—
Постарайся оживить нашу жизнь!

А заходившая въ домъ Прасковья
останавливалась у двери, подпирала
щеку рукой и жалостно говорила:

— Ангелочекъ ты мой архангель-
скій! Кокоренька ты моя сладкая!
Какъ ты сюда пріѣхала, такъ и нача-
лось у насъ царство небесное!..

—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОШЛА ОСЕННЯЯ ПОРА.

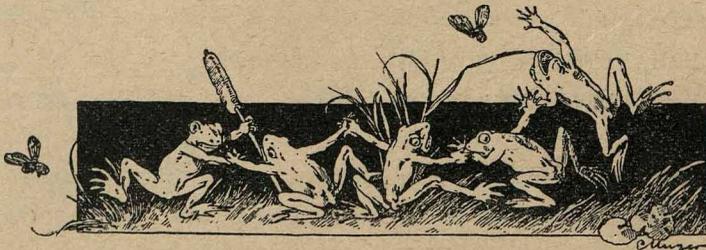
Прошла осенняя пора,
Зима въ права свои вступила
И первымъ снѣгомъ землю всю,
Какъ полотномъ, она покрыла.

И хорошо! Ненастье, грязь,
Дожди и сырость миновали.
Теперь морозовъ надо ждать,
Чтобъ крѣпче рѣчку заковали.

Готовы санки и коньки!..
Еще, еще снѣжку немного
И будетъ къ рѣчкѣ отъ холма,
Для санокъ славная дорога!

Морозный воздухъ чистъ и бодръ;
Пора за дѣло приниматься:
Коньки покрѣпче привязать
И на рѣку скорѣй кататься!..

Ив. Вѣлоусовъ

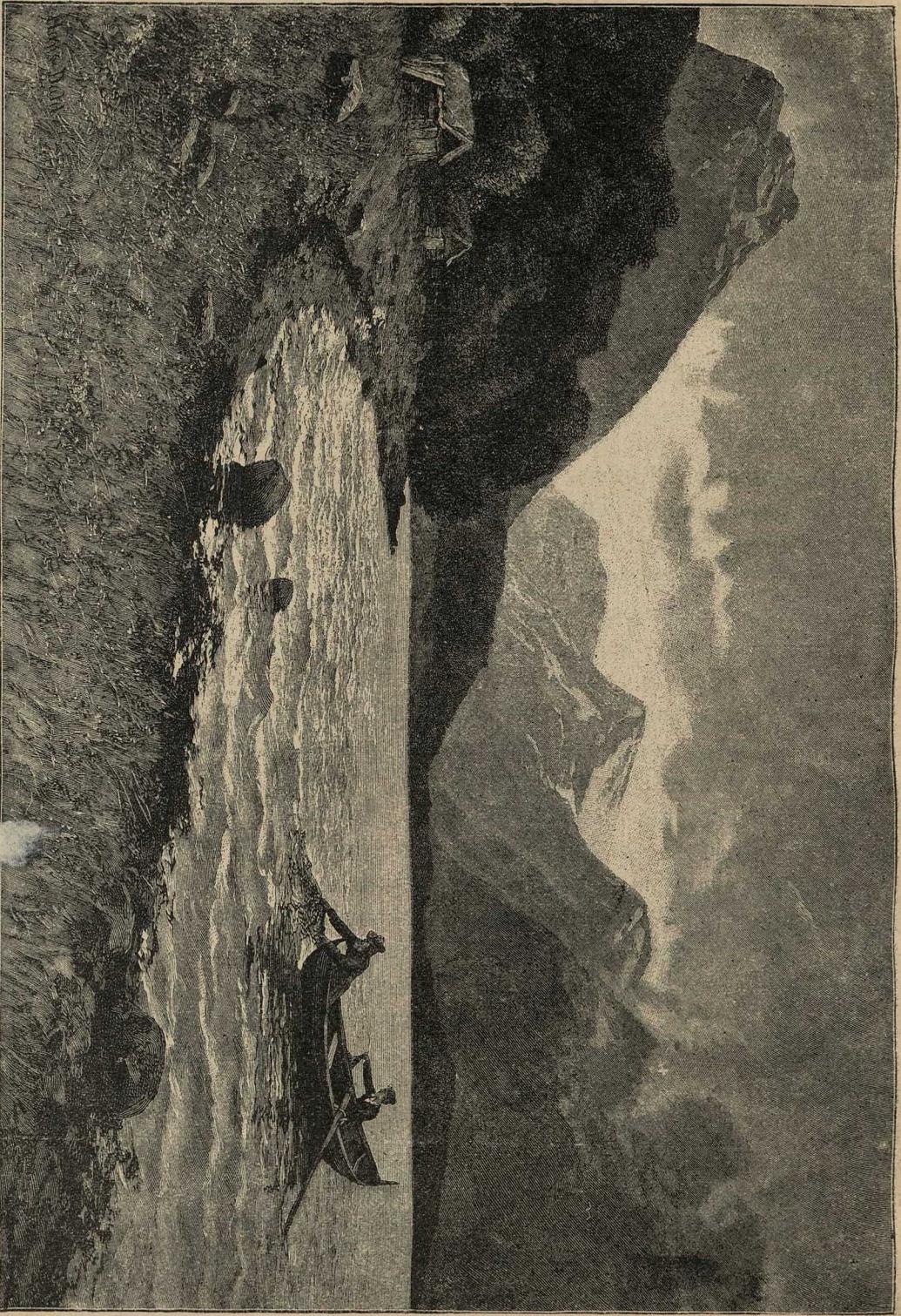
БОЛТУНЬЯ.

Наша бабушка была обрусѣвшая француженка. Она еще ребенкомъ была привезена изъ Франціи въ Россію, приняла здѣсь православіе и вышла замужъ за русскаго помѣщика, нашего дѣдушку. Это было предобрѣйшее существо, которое мы всѣ, ея внуки, горячо любили. Она рассказывала намъ чудесныя сказки и иногда въ долгіе зимніе вечера, обступивъ ее со всѣхъ сторонъ, мы безжалостно приставали къ ней съ просьбами рассказать намъ что-нибудь изъ ея дѣтскихъ воспоминаній. И она намъ не отказывала никогда. Я помню вечеръ, когда она рассказала намъ, дѣтямъ, одну исторію, въ которой сама была дѣйствующимъ лицомъ и которая на всѣхъ насъ произвела глубокое впечатлѣніе. Постараюсь передать ее вкратцѣ, какъ могу.

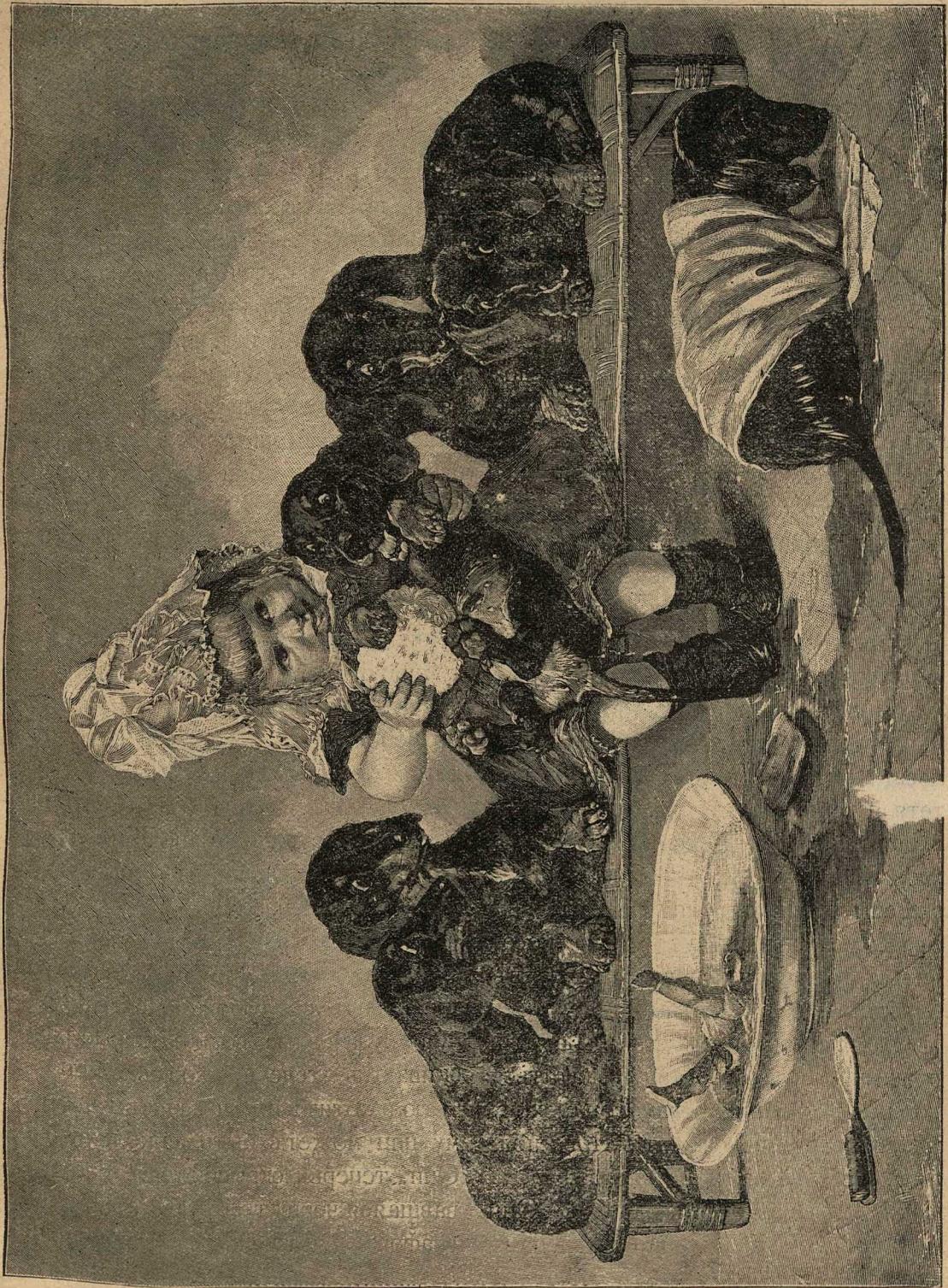
— «Вы хотите, чтобы я рассказала какую-нибудь быль,—начала бабушка.—Извольте. Только присаживайтесь ко мнѣ поближе, чтобы мнѣ не нужно было громко говорить. Мое дѣтство протекло въ Парижѣ въ самое то время, когда тамъ происходили безпорядки. Разбушевавшаяся чернь арестовывала дворянъ и вельможъ, подвергала ихъ смертной казни или заключенію въ тюрьмѣ и отнимала у нихъ родовыя помѣстья и замки. Самъ король Людовикъ XVI былъ схваченъ, осужденъ и казненъ,

его семья испытала невыносимыя страданія и наслѣдникъ престола прямо изъ роскошнаго дворца былъ переданъ какому-то сапожнику на воспитаніе и умеръ у него отъ чахотки еще будучи ребенкомъ. Достаточно было одного только названія «дворянинъ», чтобы носившій его человекъ шелъ на эшафотъ и его на немъ казнили. Это было какое-то изумительное торжество черни, которой руководили люди, старавшіеся навести на всѣхъ страхъ ужасными казнями. Среди нихъ какъ-то сразу возвысился нѣкто Максиміанъ Робеспьеръ, который открыто говорилъ, что для того, чтобы установить во Франціи царство добродѣтели, нужно уничтожить въ ней всѣхъ порочныхъ людей, а такъ какъ, по его мнѣнію, всѣ дворяне были порочны, то всѣхъ ихъ и нужно было казнить. И вотъ по всей Франціи началось кровопролитіе. Ни въ чемъ неповинные люди умирали цѣлыми семьями на эшафотѣ. Всюду преслѣдовали дворянъ и, чтобы спастись, они должны были прибѣгать къ хитростямъ, убѣгали, если могли, за границу и даже поступали въ горничныя, лакеи, чтобы скрыть свое происхожденіе. А ненасытный Робеспьеръ открыто требовалъ ихъ казни.

«Въ это страшное время я была маленькой дѣвочкой и принадлежала къ знатному французскому роду. Я

На озерѣ въ Норвегiи.

Всѣхъ помыла!

была миловидна собой, у меня были свѣтлые волосы и голубые глаза и жила я у своего дяди, графа Мильго, который удочерилъ меня послѣ смерти моихъ родителей. Моя тетя любила меня безъ ума. Наша горничная Нора восторгалась каждымъ моимъ поступкомъ, какъ бы несообразенъ онъ ни былъ. Короче говоря, — всѣ у дяди меня баловали, закармливали и радовались моимъ глупостямъ, но никто не обращалъ вниманія на мои недостатки и на то, что я была болтлива, какъ дюжина сорокъ.

«Начались беспорядки. Я видѣла въ окошко, какъ собирались толпы черни и громко разговаривали о чемъ-то, и размахивали оружіемъ и руками. Мои дядя и тетя стали часто перешептываться между собой, что-то скрывали отъ меня и я, догадливая не по лѣтамъ, могла замѣтить, что у насъ сразу какъ-то все переменялось. Дядя осунулся и посѣдѣлъ, тетя стала часто плакать. Вдругъ однажды утромъ Нора объявила мнѣ, что дядя и тетя отправляются путешествовать за границу и что я и она до ихъ пріѣзда должны поселиться въ жалкой лачугѣ, гдѣ-то въ окрестностяхъ Парижа.

«По обыкновенію я стала плакать, кричать, топтать ногами и кататься по полу, заявляя, что тоже хочу ѣхать съ ними, и т. д. Но Нора подняла меня на ноги и сказала:

«—Дитя мое, это невозможно. Они должны ѣхать, но они будутъ намъ писать.

«Она стала совать мнѣ въ руки сладкаго, но я продолжала кричать такъ, что могли бы даже услышать сосѣди. И въ первый разъ за всю мою жизнь тетя и дядя отказались исполнить мой капризъ и уѣхали. Я слышала, какъ загремѣла по мостовой карета, выбѣжала на крыльцо, но ея уже и слѣдъ простылъ.

«Квартира, въ которую мы переѣхали съ Норой изъ нашего роскошнаго жилища, была гдѣ-то подъ чердакомъ и состояла всего изъ двухъ маленькихъ комнатокъ. Изъ оконъ былъ виденъ большой городской скверъ. Комнатки были свѣтленькія и веселенькія. Въ одной изъ нихъ мы устроили себѣ спальню, а другая въ одно и то же время служила намъ и кухней, и столовой. Послѣ роскошнаго дворца дяди эта квартира показалась мнѣ жалкой и привходѣ въ нее я сдѣлала гримасу. И я стала дуться каждый день.

«Однажды утромъ, когда я только что проснулась, ко мнѣ подошла Нора, низко наклонилась надо мной и тихонько прошептала:

«—Постарайся понять меня, моя милая дѣвочка. Я буду сейчасъ разговаривать съ тобой, какъ съ большой. Есть злые люди, которые разыскиваютъ теперь твоихъ дядю и тетю и хотятъ ихъ посадить въ тюрьму или можетъ быть даже и убить... Они теперь скрываются. Взбунтовавшаяся чернь требуетъ казни всѣхъ графовъ и князей, а ея предводитель Максимилианъ Робеспьеръ всюду в

слѣживаеъ ихъ, посылаетъ за ними шпіоновъ и наводитъ справки самъ. О, настало ужасное время, дитя мое!.. Кровь на парижскихъ площадяхъ льется рѣкой... Невинные погибаютъ цѣлыми сотнями каждый день. Изобрѣтена машина, чтобы рубить несчастнымъ жертвамъ головы поскорѣе, такъ какъ не успѣваютъ палачи. Поэтому мы должны сдѣлать все, что только отъ насъ зависитъ, чтобы насъ съ тобой не узнали и по намъ не догадались, гдѣ наши господа. Съ сегодняшняго дня ты будешь моей дочерью... Слышишь? Теперь я—твоя мать. Зови меня мамой!

«Я приподнялась съ подушки и съ негодованіемъ закричала:

«—Звать тебя мамой?! Это тебя-то, мою служанку? Я—графиня Мильго и моя тетя за такія твои слова тебя накажетъ!

«—Моя дорогая цыпочка, умоляла Нора, нисколько не обидѣвшись на мои слова,—я отлично понимаю, что недостойна счастья называть тебя своей дочерью, но это необходимо! Всего только на нѣсколько недѣль. Неужели тебѣ будетъ пріятно, если узнаютъ, что ты—молодая графиня и посадятъ тебя въ тюрьму? Неужели ты допустишь, что по тебѣ узнаютъ, гдѣ мои дорогіе господа?

«Я подумала и успокоилась. Затѣмъ послѣдовала удивительная сцена. Съ меня сняли мое роскошное атласное платье и надѣли на меня деревенскій костюмъ.

«—Ну, вотъ видишь, какая ты хо-

рошенькая крестьяночка! радостно воскликнула Нора.—Теперь никто на свѣтѣ не узнаетъ, что ты графской крови.

«Но мнѣ не хотѣлось быть простой крестьянкой, мое тщеславіе было уязвлено, и я еще долго не могла привыкнуть къ моей новой одеждѣ.

«Два раза въ день, утромъ и послѣ полудня Нора куда-то уходила. Всякій разъ я просила ее взять съ собою и меня, но она мнѣ отказывала.

«—Мнѣ нужно идти на поденную работу, моя цыпочка, отвѣчала она мнѣ,—и тамъ, куда я иду,—дѣтей не любятъ.

«Безъ сада, къ которому я привыкла у себя въ замкѣ, мнѣ было скучно, но тутъ-же, невдалекѣ отъ нашей квартиры, былъ городской скверъ, на которомъ росла свѣженькая, зелененькая травка, кричали птицы и билъ фонтанъ. По дорожкамъ бѣгали дѣти простыхъ родителей и на скамеечкахъ сидѣли старички на солнышкѣ и грѣлись. И я стала выбѣгать на этотъ скверъ. Скоро я въ немъ познакомилась съ другими дѣтьми, а такъ какъ я была образованнѣе и смысленнѣе ихъ, то стала властвовать надъ всѣми и играть только въ тѣ игры, въ которыя хотѣла сама. При этомъ я была такъ изобрѣтательна, что дѣти безпрекословно подчинялись мнѣ, а всѣ прочіе прохожіе останавливались и говорили:—«Вотъ такъ дѣвочка! Она образована, какъ аристократка! Ужъ не говоришь ли ты и на иностран-

ныхъ языкахъ»? И чтобы показать имъ, какъ я образована, я такъ и сыпала передъ ними стихи на англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

«Однажды утромъ я пришла въ скверъ довольно рано. Дѣтишки еще не приходили. Я хотѣла сѣсть на скамью около фонтана, чтобы подождать ихъ, но она была ужъ занята. На ней сидѣлъ какой-то господинъ.

«—Я испугалъ тебя, моя крошка? обратился онъ ко мнѣ. — Не бойся! Я люблю дѣтей... Сядь рядомъ со мной и Расскажи мнѣ, почему ты являешься сюда всегда одна?

«Онъ вытащилъ изъ кармана леденцовъ и предложилъ мнѣ. Я взяла одинъ.

«—Бери, бери больше! сказалъ онъ.

«Я взяла больше и мы тотчасъ-же сдѣлались друзьями.

«—Какъ тебя зовутъ, дитя мое? обратился онъ потомъ ко мнѣ.

«—Гортензіей... отвѣтила я.

«—А кто твои папа и мама?

«Я замаялась.

«—Папы у меня нѣтъ, отвѣтила я, — а моя мама — наша служанка Нора.

«—Нора? повторилъ онъ. — Вотъ удивительное дѣло! А я могъ-бы держать пари, что ты раньше была благородной барышней!.. А что дѣлаешь твоя мать Нора?

«—Она ходитъ на поденную работу... отвѣтила я. Мнѣ стало стыдно, что у меня такая мать и я покраснѣла.

«—Какая непріятность! восклик-

нулъ онъ. — Ну, можно-ли имѣть такую маму! Я такъ и думалъ, что ты ею очень недовольна!... Но ты все-таки увѣрена, что эта самая Нора тебѣ дѣйствительно мать, а не служанка?..

«Онъ пытливо посмотрѣлъ мнѣ въ самые глаза. Его участіе тронуло меня и, полная обиды на то, что какая-то служанка Нора смѣетъ называть себя моею матерью, я подошла къ нему поближе и доверчиво сказала:

«— Хотите, я сообщу вамъ одинъ очень большой—большой секретъ?

«Онъ снова предложилъ мнѣ леденцовъ.

«— Сначала возьми сладенькаго, отвѣтилъ онъ,—а потомъ и сообщай.

«Я взяла и серьезно продолжала:

«— Я вовсе не дочь этой Норы. Я графиня Гортензія Мильго... Только мой дядя теперь скрывается и меня нарочно нарядили въ это дурацкое платье.

«— Ну, такъ я изналъ! воскликнулъ господинъ. — Развѣ съ такими нѣжными ручками и съ такими манерами бываютъ крестьянки? Развѣ это возможно, чтобы у какой-то прачки или судомойки была такая очаровательная дочь!

«Я тотчасъ-же съ гордостью подняла свой носъ.

— «Такъ ты говоришь, что твоя фамилія Мильго?.. продолжалъ онъ. Кажется, недалеко отсюда, въ окрестностяхъ Парижа, есть какой-то богатый замокъ Мильго...

«— Да это нашъ и есть!.. воскликнула я.

«И я стала болтать передъ этимъ господиномъ такъ, точно была знакома съ нимъ всю свою жизнь. Онъ очень интересовался всѣмъ тѣмъ, что я ему говорила, и записывалъ къ себѣ въ книжку. Затѣмъ пришли дѣти, онъ угостилъ меня еще разъ леденцами и ушелъ.

«Съ этого дня уже каждое утро я встрѣчала моего знакомаго на лавочкѣ у фонтана. Но это уже былъ теперь мой пріятель. Я спросила его: какъ его зовутъ? Онъ отвѣтилъ:

«— Максимилианъ.

«— Какое красивое имя! воскликнула я, чтобы сказать ему пріятное.

«Вскорѣ послѣ этого случилось нѣчто странное. Однажды утромъ проснувшись позже обыкновеннаго, я вдругъ ясно услышала въ сосѣдней комнатѣ голосъ моеи тети графини Мильго. Я вскочила, чтобы повидаться съ ней, но дверь оказалась запертой на ключъ, чего раньше не бывало никогда. Затѣмъ послышался звукъ отодвигавшихся стульевъ, шопотъ и кто-то вышелъ изъ нашей квартиры.

«Тогда я стала изо всѣхъ силъ стучать кулаками въ дверь. Ее отворила Нора. Кромѣ нея въ сосѣдней комнатѣ не было уже никого.

«— Зачѣмъ ты заперла меня на ключъ? закричала я. — Я хотѣла повидаться со своей тетей!.. У тебя сейчасъ была моя тетя!.. Почему ты меня къ ней не допустила?..

«— Такъ погляди-же сама, моя

цыпочка, спокойно отвѣчала мнѣ Нора.—Ты еще не проснулась. Никакой тети у меня сейчасъ не было... Ты бредишь!..

«Мнѣ стало обидно, что меня такъ нагло обманывали и скрывали отъ меня правду. Я одѣлась, выпила молока и, выждавъ, когда ушла Нора изъ дому, побѣжала въ скверъ и всю свою душу излила передъ господиномъ Максимилианомъ.

«— Значить, твоя тетя теперь въ Парижѣ? переспросилъ онъ. Такъ, такъ...—Твои дядя и тетя, значить, только сдѣлали видъ, что уѣхали за границу, а сами скрываются гдѣ-нибудь здѣсь. Несомнѣнно, что и Нора служить имъ и только обманываетъ тебя, что ходитъ на поденную работу. Значить, у твоихъ дяди и тети есть враги, иначе зачѣмъ имъ такъ скрываться?

«— О, да, отвѣтила я.—Нора говорила мнѣ, что самый ихъ заклятый врагъ это какой-то Робеспьеръ. Онъ желаетъ ихъ казнить.

«— А какого мнѣнія объ этомъ самомъ Робеспьерѣ твой дядя?

«— Онъ всегда говорилъ, что Робеспьеръ—злодѣй!

«Глаза господина Максимилиана сверкнули.

«— Такъ, такъ... продолжалъ онъ.—Значить, твой дядя и тетя сейчасъ въ Парижѣ!.. Нора ходитъ каждый день именно къ нимъ... Она ни разу не говорила тебѣ, куда она ходитъ?

«— Нѣтъ, ни разу... отвѣтила я.— Я просила ее брать и меня съ собой, но она не хочетъ.»

«— И надолго ты остаешься дома одна?»

«— На цѣлый день. Утромъ Нора уходитъ, возвращается къ обѣду и затѣмъ снова уходитъ до вечера...»

«— Значить, ты остаешься во всей квартирѣ одна полновластной хозяйкой?»

«Хозяйкой! Я и не подозрѣвала, что меня, такую маленькую, могутъ такіе почтенные люди, какъ г-нъ Максимилианъ, считать за хозяйку. И я съ гордостью подняла свой носикъ кверху и, уже нехотя, отправилась играть съ дѣтьми.»

«На слѣдующій день я была положительно невыносима, приставаая къ Норѣ изъ всѣхъ силъ, чтобы она взяла меня съ собою. Она всѣми возможными способами старалась меня разубѣдить, но не помогало ничто и она рѣшилась тогда вовсе не выходить изъ дому. Она усѣлась, хмурая, у окошка и стала штопать чулки.»

«Я взяла книжку съ картинками и тоже сѣла у другого окна.»

«Прошло затѣмъ не болѣе получаса, какъ я замѣтила, что съ другой стороны улицы появилась какая-то особа, одѣтая во все черное и со спущенной густой вуалью на лицѣ. Она по своимъ движеніямъ и манерамъ показалась мнѣ почему-то знакомой.»

«Дойдя до нашего дома, она под-

няла свою вуаль и—я узнала въ ней свою тетю. Тотчасъ-же со своего мѣста встала и Нора. Обѣ онѣ перемигнулись между собой.»

«— У меня больше нѣтъ шерсти... сказала Нора.— Нечѣмъ штопать... Надо пойти купить. Будь безъ меня умницей.»

«Меня удивила эта таинственность и то недовѣріе, съ которымъ отнеслась ко мнѣ Нора. Какъ только она вышла за дверь, я тотчасъ-же вскочила на подоконникъ и стала глядѣть. Обѣ ушли куда-то влѣво. По жестамъ тети я догадалась, что она была недовольна тѣмъ, что Нора къ ней не пришла.»

«На слѣдующій-же день я была уже въ моемъ скверѣ, у фонтана, и откровенничала съ господиномъ Максимилианомъ. Я жаловалась ему на недовѣріе ко мнѣ со стороны Норы и рассказала, какъ проходила вчера къ нашему дому тетя.»

«— Знаешь, какъ-бы я поступилъ на твоёмъ мѣстѣ, отвѣтилъ мнѣ мой другъ. Я бы отправился вслѣдъ за ними и издалека, такъ что онѣ не замѣчали-бы меня, выслѣдилъ-бы, гдѣ живутъ твои дядя и тетя, и убѣждалъ-бы отъ Норы къ нимъ!»

«Я грустно опустила головку.»

«— Да, отвѣтила я,—но я боюсь одна ходить по Парижу!»

«— Такъ не желаешь-ли я тебя провожу? Впрочемъ, нѣтъ! Оставайся ты дома, а я самъ буду слѣдить, куда уходитъ Нора и потомъ тебѣ скажу. Какая Нора изъ себя?»

Но въ это время Нора вышла изъ нашихъ воротъ и направилась куда-то влѣво.

— Да вонъ и она сама! радостно воскликнула я, стараясь поймать его на словѣ.—Видите вонъ ту высокую женщину въ черной накидкѣ?

«Онъ быстро поднялся съ мѣста, болѣе заинтересованный, чѣмъ я сама, и сказалъ:

«— Въ такомъ случаѣ пойдѣмъ поскорѣе и мы выслѣдимъ, гдѣ живутъ твои дядя и тетя!

«Нора шла быстро впереди насъ, мой компаньонъ такъ же быстро слѣдовалъ за нею, а сбоку его сѣменила своими маленькими ножками я и едва могла за ними поспѣть. Тѣмъ не менѣе я замѣчала улицы, по которымъ мы проходили. Затѣмъ я имъ потеряла счетъ и скоро устала такъ, что еле могла идти. Но все-таки запомнила, куда нужно было идти.

«Нора остановилась у какой-то лачуги и стала дѣлать передъ ней руками какіе-то условные знаки. Я хотѣла подбѣжать къ ней, но господинъ Максимилианъ схватилъ меня за руку и удержалъ.

«— Безполезно! сказалъ онъ какимъ-то страннымъ голосомъ.— Не стойте! Пойдемъ лучше назадъ, заберемъ всѣ твои вещи и снова вернемся сюда. Вѣдь дома навѣрное остались у тебя твои игрушки.

«Милый Максимилианъ! Онъ вспомнилъ даже о моихъ игрушкахъ! Дома дѣйствительно осталась у меня моя любимая кукла и мнѣ жаль было ее

оставлять. Онъ взялъ меня на руки и принесъ меня обратно въ скверъ. Всю дорогу онъ рассказывалъ мнѣ интересныя исторіи, отъ которыхъ я звонко хохотала. Остальную часть дня я провела въ томъ, что съ таинственнымъ видомъ укладывала всѣ мои вещи въ одинъ пакетъ.

Затѣмъ возвратилась Нора. Мы обѣдали въ четыре часа. Было лѣто и когда она приказала мнѣ идти спать, то было еще совсѣмъ свѣтло. Сама она занялась мытьемъ посуды, а я притаилась, что сплю, затѣмъ вылѣзла изъ-подъ одѣяла, одѣлась и, ни слова не сказавъ, выбѣжала на улицу.

Теперь я была одна во всемъ Парижѣ!. Я побѣжала черезъ весь городъ, изъ улицы въ улицу, надѣясь добѣжать засвѣтло до того дома, гдѣ жила моя тетя, чтобы больше уже не разставаться съ нею никогда! Я такъ хорошо запомнила всю дорогу на пути туда и обратно, что шла теперь уже навѣрняка.

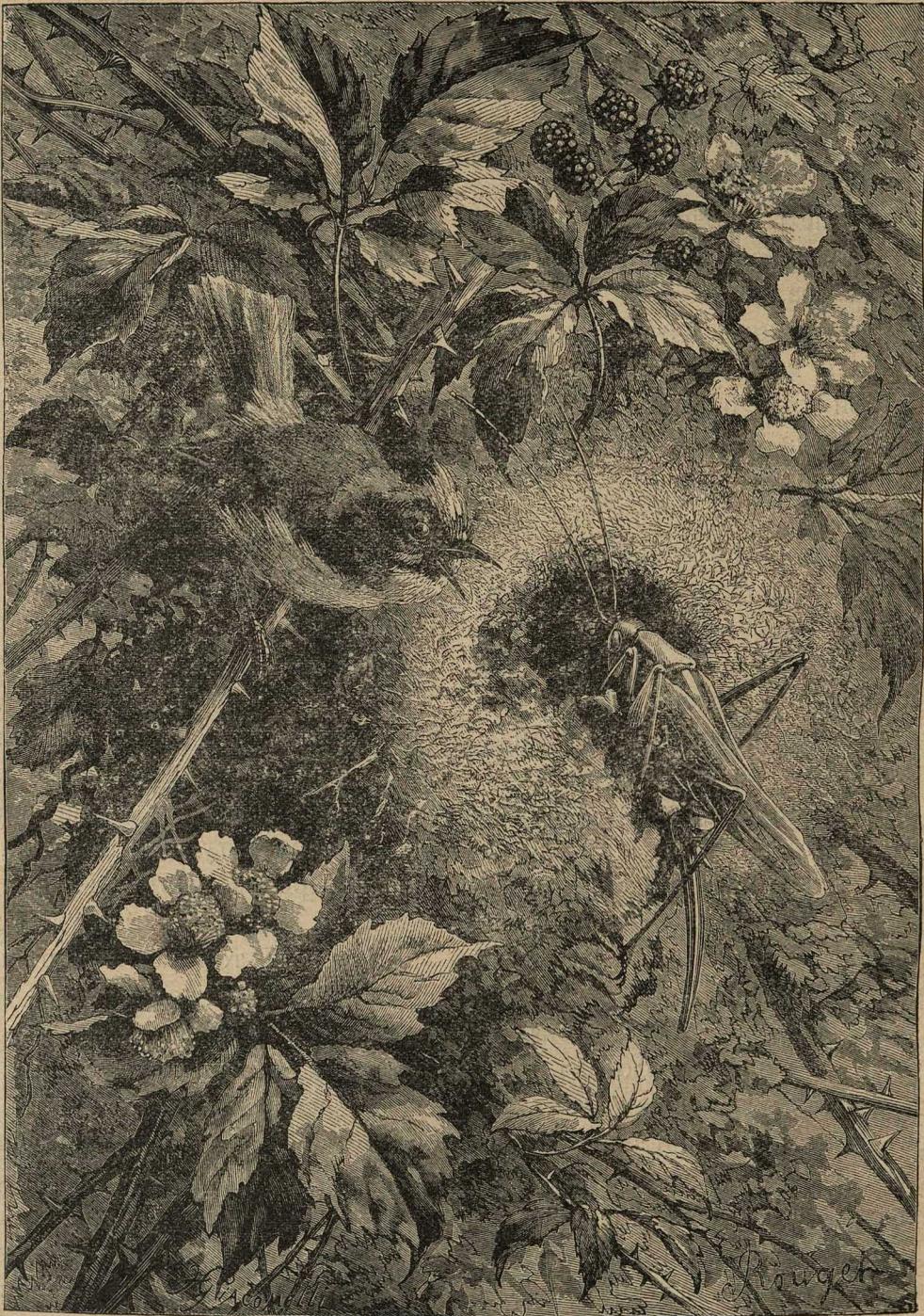
Черезъ полчаса я была уже у цѣли.

Но передъ той лачугой, въ которой обитали мои дядя и тетя, теперь бушевала огромная толпа.

— Ага, графы! кричала она.—Вы спрятались сюда! Вы хотите отъ насъ улизнуть? Хорошо-же, теперь мы расправимся съ вами, какъ хотимъ! Это вамъ такъ даромъ не пройдетъ!

Я почувствовала, какъ отъ ужаса у меня стали подкашиваться ноги.

«Какой-то странный экипажъ остановился у воротъ. Кого-то въ него

Нежданный гость.

Н няя.

насилно посадили и увезли. Проѣзжая мимо меня, плѣнникъ отдернулъ съ окна занавѣску и я увидѣла въ этомъ экипажѣ свою тетю.

— «Тетя!.. Тетя! закричала я ей вслѣдъ внѣ себя.

«Но на меня никто не обратилъ ни малѣйшаго вниманія. Тогда въ отчаяніи я стала визжать.

«— Чего ты орешь? обратился ко мнѣ городской.

«— Куда ее повезли? обратилась я къ нему.

«— Развѣ не видишь? Въ тюрьму! А ты, должно быть, заблудилась? Говори, куда тебя проводить?

«Я стала рыдать.

«— Кто-же приказалъ эту женщину отвезти въ тюрьму? спросила я,

«— Максимилианъ Робеспьеръ! отвѣтилъ городской. Но куда тебя отвести?

«— Къ моей мамѣ... къ Норѣ... залепетала я, теперь уже понимая отлично, для чего должна была называть Нору мамой.—Мы живемъ противъ сквера съ фонтаномъ!

«Онъ взялъ меня за руку и повелъ. Всю дорогу я рыдала. Но онъ шелъ такъ быстро, что я не могла за нимъ поспѣвать. На полдорогѣ онъ остановился и сказалъ:

«— Мнѣ некогда ползти, какъ черепаха! Бери меня за шею и давай я тебя понесу!

«И онъ понесъ меня на рукахъ. Я едва сознавала себя.

«У самага сквера ходилъ торговецъ,

который продавалъ чей-то намалеванный портретъ.

«— Портретъ Робеспьера! кричалъ онъ.—Кто желаетъ купить портретъ Робеспьера?

«Увидѣвъ городского, который несъ меня на рукахъ, онъ подбѣжалъ къ нему, протянулъ къ нему портретъ и сказалъ:

«— Гражданинъ, купите у меня портретъ Робеспьера?

«Я взглянула на портретъ и задрожала всѣмъ своимъ существомъ.

«Это былъ мой другъ Максимилианъ.

«Уйди ты со своимъ Робеспьеромъ! огрызнулся на торговца городской.—Очень мнѣ нуженъ этотъ твой кровопійца, отъ котораго дрожатъ даже эти невинныя существа.

«И онъ указалъ торговцу на меня.

«А тотъ, какъ ни въ чемъ не бывало, отправился далѣе и еще долго слышался его голосъ:—Максимилианъ Робеспьеръ!

«И я поняла послѣ этого все. Но было уже поздно. Я сама, своей глупой болтливостью выдала тѣхъ, кто замѣнялъ мнѣ мать и отца!.. Теперь они сидѣли въ тюрьмѣ—и только по моей винѣ... Что, если ихъ казнятъ?..

«И эта мысль заставила зашевелиться волосы на моей головѣ. Если ихъ казнятъ, то, значитъ, убійцей ихъ буду я!

«Я думала, что я умру отъ отчаянія, когда рассказывала часъ спустя

Норѣ обо всемъ случившемся. Въ первую минуту добрая женщина хотѣла меня даже отколотить, но ея нѣжность и привязанность ко мнѣ взяла надъ нею верхъ.

«— Развѣ ты виновата, моя крошка? воскликнула она.—Виновата я сама, что не углядѣла за тобой. Мои добрые господа! Дорогая моя госпожа! Что теперъ со всѣми нами будетъ! Пропала моя несчастная головушка!

«— Я ихъ спасу! заговорила я съ рѣшительностью. — Я ихъ спасу, Нора!.. Я ихъ предала, за то-же я ихъ и спасу!..

«— Глупенькая!.. покачала головой Нора.—Гдѣ тебѣ это сдѣлать! Ты еще мала!

«— Это ничего! Я пойду сейчасъ къ господину Максимилиану и буду передъ нимъ плакать... Я буду его умолять!.. Онъ сжалятся надо мной.

«Она съ отчаяніемъ покачала головой. Но я ни за что не хотѣла отказать отъ своего рѣшенія и на

слѣдующее-же утро побѣжала въ скверъ къ фонтану. Но тамъ я г-на Максимилиана уже не нашла. Не приходилъ онъ туда и на третій день, и на четвертый и я потеряла уже надежду его тамъ встрѣтить. Тогда я стала умолять Нору повести меня къ нему на квартиру. Онъ жилъ у какого-то плотника. Намъ отворила дверь его жена. Она очень удивилась нашему приходу, доложила о насъ своему мужу и сказала:—«идите, маленькая гражданка, онъ васъ ждетъ»!

«Я вошла къ нему съ сердцемъ, полнымъ надежды... Но зачѣмъ мнѣ описывать это мое свиданіе съ Робеспьеромъ?.. Онъ похвалилъ меня за довѣріе къ нему, предложилъ мнѣ леденцовъ, отъ которыхъ я теперь съ ужасомъ отвернулась, вывелъ затѣмъ меня за дверь и сказалъ:

«Дѣти не должны вмѣшиваться въ важныя дѣла!

«Такъ я и ушла отъ него ни съ чѣмъ. Возвратившись домой, я тяжело захворала и нѣсколько дней была при смерти, больна. Я потеряла сознание и цѣлыя три недѣли не приходила въ себя.

«А когда я очнулась, то іюльское солнце свѣтило въ открытое окно, я была у себя въ замкѣ и моя тетя держала меня на рукахъ.

Узоръ для вышиванія.

«— Какой сладкій сонъ! проговорила я, открывая глаза.—Зачѣмъ вы меня разбудили? Вѣдь тетя умерла. Ее заключили въ тюрьму и казнили!

«— Бѣдняжка! слышался вдругъ голосъ тети.—Она еще бредитъ!

«Я открыла глаза совсѣмъ и увидела около тети и Нору. Она съ безпокойствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ я приходила въ себя.

«Какъ? ты здѣсь, тетя? удивилась я.—Ты освобождена?

«— Ужасы уже кончились, дорогая моя... отвѣтила тетя, усаживаясь со мной на кресло.—Робеспьеръ умеръ, насъ освободили и возвратили намъ все, что мы имѣли раньше.

«Чувство необыкновенной радости наполнило вдругъ мою душу. Но я теперь уже не лишилась чувствъ. Я бросилась къ тетѣ на шею и, спрятавъ голову у нея на груди, плакала, плакала безъ конца...

«А два дня спустя всѣ наши вещи были уже уложены въ сундуки, погружены въ телѣги и насъ ожидалъ уже у крыльца экипажъ. Нора и дядя

суетились около него и старались уложить въ немъ поудобнѣе наши подушки и чемоданы. Тетя взяла меня на руки, вынесла на дворъ и стала усаживать меня въ экипажъ.

«— Куда мы ѣдемъ? обратилась я къ ней.—Куда ты меня везешь?

«Она поцѣловала меня въ лобъ и крѣпко прижала меня къ себѣ.

«— Въ Россію, отвѣтила она.— Въ святую Россію, гдѣ люди еще вѣрятъ въ Бога, гдѣ они добры и великодушны, и гдѣ нѣтъ такихъ ужасовъ, какъ у насъ.

«И мы навѣки уѣхали изъ Парижа».

Такова была исторія, которую рассказывала намъ не разъ наша бабушка Гортензія Мильго, а по-русски—Агрипина Петровна. Мы слушали ее съ захватывающимъ интересомъ и каждому изъ насъ невольно приходила въ голову мысль о томъ, что слово—серебро, а молчаніе—золото, и что языкъ данъ человѣку иногда и для того, чтобы умѣть помолчать.

В. М.

ПОЧЕМУ И ПОТОМУ.

Почему кошки видятъ въ темнотѣ? Необходимо знать, что въ совершенной темнотѣ не можетъ видѣть ни одно живое существо во всемъ мірѣ. И если мы говоримъ о

томъ, что кошки видятъ въ темнотѣ, то должны признать, что мы говоримъ о такой темнотѣ, въ которую проникаетъ хоть малѣйшій свѣтъ, но только мы-то, люди, этого свѣта не

видимъ. Наши человѣчьи глаза устроены такъ, что имъ кажется совершенной темнотой то, что еще не совсѣмъ темно для животныхъ и куда еще проникаетъ хоть небольшой лучъ свѣта. Когда вы смотрите на свѣтъ, то зрѣчки ваши сужаются, а когда отворачиваетесь отъ свѣта, то они расширяются. Но расширение это можетъ происходить только до извѣстнаго предѣла. И если бы они могли въ темнотѣ расширяться еще больше того, чѣмъ могутъ расширяться, то человѣкъ могъ-бы видѣть ночью точно такъ-же, какъ и кошка, потому что у нея зрѣчки расширяются по желанію, сколько угодно. Благодаря тому, что зрѣчки у кошекъ дѣлаются въ темнотѣ громадными, въ нихъ входитъ весь свѣтъ, который проникаетъ сквозь темноту, и онѣ получаютъ возможность видѣть ночью лучше, чѣмъ человѣкъ.

Почему послѣ дождя лягушки прыгаютъ по дорогамъ? Лягушки принадлежатъ къ тому разряду животныхъ, которыя называются амфибіями, т. е. такими, которыя часть своей жизни проводятъ въ водѣ, а часть—на землѣ. Онѣ не выносятъ поэтому засухи и очень любятъ, когда трава и земля бываютъ сырыми, или покрываются росой. Какъ только наступаетъ сушь, такъ онѣ тотчасъ-же забираются въ какую-нибудь нору, гдѣ похолоднѣе и посырѣе, и ожидаютъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не станетъ сыро опять. Но вотъ наступаетъ дождливое время. Дождемъ

смочена вся земля, тучи разошлись и спускается тихій, но сырой вечеръ. Проголодавшіяся лягушки съ радостью покидаютъ свои норы и начинаютъ прыгать по всѣмъ направленіямъ, отыскивая себѣ пищу. А такъ какъ послѣ дождя всегда бываетъ свѣжѣе, чѣмъ до дождя, то мелкія насѣкомыя и букашки, до которыхъ большая охотница лягушка, начинаютъ летать низко, именно надъ дорогой, такъ какъ надъ ней всегда бываетъ теплѣе, чѣмъ надъ травой, потому что она покрыта тонкимъ слоемъ навоза. А навозъ, какъ извѣстно, грѣетъ землю. Вотъ почему, живя на дачѣ, мы и встрѣчаемъ часто лягушекъ прыгающими по дорогѣ именно послѣ дождя.

Почему одни люди блондины, а другіе—брюнеты? Если мы посмотримъ подъ микроскопомъ на нашу кожу на головѣ, то увидимъ, что она состоитъ изъ массы клѣточекъ, расположенныхъ слоями. Между этими клѣточками помѣщено красящее вещество, называемое въ наукѣ пигментомъ; чѣмъ у человѣка въ кожѣ больше этого красящаго вещества, тѣмъ волоса его темнѣе, а чѣмъ меньше,—тѣмъ волоса его свѣтлѣе. Следовательно, у блондиновъ пигмента меньше, чѣмъ у брюнетовъ. Это красящее вещество съ теченіемъ жизни у человѣка все уменьшается и уменьшается и къ концу ея истрачивается совсѣмъ. Тогда волосы начинаютъ расти уже совсѣмъ бѣлыми и мы называемъ ихъ сѣдыми. Быва-

ютъ люди, у которыхъ этого красящаго вещества не хватаетъ уже къ тридцати годамъ и они начинаютъ сѣдѣть. О такихъ людяхъ мы говоримъ обыкновенно, что они рано начинаютъ старѣть. Но это еще вовсе не старость; это говоритъ только о томъ, что весь запасъ красящаго вещества у нихъ уже израсходовался.

Почему нѣкоторые люди ходятъ во снѣ? Въ нашемъ мозгу существуютъ, такъ сказать, двѣ области: одна изъ нихъ завѣдуетъ тѣми нашими движеніями, которыя мы сознаемъ, а другая тѣми, которыхъ мы не сознаемъ. Когда, напр., мы говоримъ и стараемся придумать извѣстныя слова и выраженія или чешемся гребешкомъ, то эти наши дѣйствія и движенія мы сознаемъ. Но существуетъ еще цѣлый рядъ нашихъ дѣйствій и движеній, которыхъ мы не сознаемъ вовсе: такъ напр. мы совершенно даже и не думаемъ о томъ, что дышемъ, хотя дѣлаемъ это всю нашу жизнь; мы ходимъ, бѣгаемъ — и дѣлаемъ это безсознательно, а между тѣмъ, когда были младенцами, вовсе не умѣли ходить и учились этому, но тѣмъ не менѣе выучились безсознательно. Когда насъ учатъ играть на рояли, то мы сперва начинаемъ напрягать свои пальцы сознательно,

даже иногда плачемъ, что насъ заставляютъ учиться играть. Затѣмъ, когда наши пальцы начинаютъ привыкать къ требуемымъ движеніямъ, мы начинаемъ шевелить ими безсознательно и пробѣгаемъ ими быстро взадъ и впередъ по клавишамъ, играя какую-нибудь трудную гамму, даже и не думая о томъ, куда, на какой именно клавишѣ поставить палецъ. Это происходитъ оттого, что нашъ мозгъ, который завѣдуетъ движеніемъ нашихъ пальцевъ, уже привыкъ къ такимъ движеніямъ. Но, играя гаммы безсознательно, мы каждую минуту можемъ прекратить нашу игру, потому что можемъ призвать къ дѣятельности ту часть нашего мозга, которая завѣдуетъ движеніями сознательными. Захотѣли — и не играемъ. Совсѣмъ иначе дѣло обстоитъ у людей, которые ходятъ во снѣ: у нихъ мозгъ, привыкшій выполнять безсознательныя ихъ движенія, не спитъ и человѣкъ ходитъ. А та часть его, которая завѣдуетъ движеніями сознательными, — спитъ и человѣкъ не можетъ приказать себѣ не ходить. Вотъ почему человѣкъ, путешествующій во снѣ, вовсе даже и не сознаетъ того, что бродитъ во снѣ, и когда ему говорятъ объ этомъ послѣ, то онъ не вѣритъ и смѣется.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Почему въ Петербургѣ въ послѣднее время стали все чаще и быстрѣе ѣздить автомобили?

II.

Шель страшный дождь. По улицамъ потекли ручьи и образовались лужи. Всюду стало грязно. Въ это время возвращался домой одинъ господинъ. Онъ позабылъ взять съ собой калоши и сильно промочилъ себѣ ноги. Боясь простуды, онъ забѣжалъ въ первый попавшійся магазинъ обуви и купилъ себѣ калоши.

Почему онъ купилъ себѣ калоши?

III.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) То, что ѣдятъ въ скоромные дни,
- 2) Деревенское жилище,
- 3) Часть тѣла.

Первыя буквы этихъ словъ составятъ новое слово, означающее тишину, а если взять отъ каждаго изъ задуманныхъ словъ по послѣднему слогу и составить ихъ вмѣстѣ рядомъ, то получится домашнее хищное животное.

Какія слова задуманы и какое это животное?

IV.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) Собрание деревенскихъ избъ,
- 2) То, по чему течетъ рѣка,

- 3) Домашнее хищное животное.

Первая и послѣдняя буквы каждаго изъ этихъ словъ должны составить три слога. Если эти три слога поставить рядомъ и прочитать, то получится названіе птицы.

Какія слова задуманы и какаѣ это птица?

V.

Отъ каждой изъ нижеслѣдующихъ фразъ взять по одному только слову и составить изъ нихъ новую фразу, составляющую собою начало извѣстнаго стихотворенія Лермонтова:

1) Скажи родимая, какъ мнѣ пройти въ ближайшее село?

2) Ему въ окно глядѣла вѣтка сирени.

3) Крестоносцы, не смотря на всѣ усилія, не могли завоевать Палестины.

4) Соня, гдѣ ты? Иди скорѣе!

5) Около дома росла вѣковая сосна.

6) Гдѣ ты ни появишься, всюду вносишь съ собой ссору и недоразумѣнія.

7) У мосточка цвѣла калина.

Какая это фраза?

VI.

Задуманы названія восьми животныхъ:

- 1) Домашняго рогатаго.
- 2) Домашняго длинноухаго.
- 3) Громаднаго съ клыками и хоботомъ.

4) Хищнаго изъ кошачьей породы,
5) Хищнаго съ кисточками на ушахъ,

6) Дикаго и домашняго съ большими вѣтвистыми рогами.

7) Домашняго грызуна,

8) Двухкопытнаго животнаго съ прямыми рогами.

Изъ первыхъ буквъ каждаго изъ этихъ словъ составить новое слово, означающее названіе губернскаго города на Волгѣ.

VII.

Почему нельзя перелетѣть черезъ Атлантическій океанъ?

VIII.

Зачѣмъ люди живутъ въ жилищахъ?

IX.

Слышали-ль вы когда-нибудь музыку на фортепіано?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 12, помѣщенныхъ въ № 24 «Золотого Дѣтства» за истекшій годъ:

Головоломки. I. Гитара, духи, нога. Задуманное слово — радуга. II. Клубни + ка (клубника), слива, Петру + + шка (петрушка), ...мали + на (малина), ...рѣ + па (рѣпа), ...черни + ка (черника), ...гру + ша (груша), а + + на + насъ (ананасъ), ...ку + куръ + + у + за (кукуруза), ...ды + ня (дыня), III. катушка.

Ребусъ № 12. У + о + кошка + ро + + сливы + с + око + подъя въ + вѣтки + + смо + листъ + ыя + ели = У окошка росли, высоко подъявъ вѣтки, смолистыя ели.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Коля Ивановъ, Зина Надеждина, Петръ Чубовскій, Катя Зубова, Вата Игнатъева, Нина Полозова, Оля Кваскова, Аркадій Ивановъ уч. 2-го класа, Надя Максименко, Лида Смирнова, Надежда Бергъ, Рита и Киса Спенглеръ, Вова, Кока и Шура Лилины, Маруся и Наточка Гурьяновы, Нина и Женя Цѣшковскія, Валя Фигурскій, Вѣра и Надя фонъ-Клугенъ, Елена и Зоя Поповченко, Кока Ливанскій, Аля Болдырева, Нина Шушкинъ, Тима Асмаевъ, Натанъ Вальфишъ, Витя Быстрицкій.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“ за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экземпляръ. Безъ переплета — по три рубля. За пересылку по разстоянію.

Можно выписывать изъ Редакціи „Золотое Дѣтство“.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

Годъ изданія четвертый

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга „Въ тепломъ гнѣздышкѣ“—сборникъ интересныхъ рассказовъ для дѣтей со множествомъ рисунковъ.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ журналовъ въ Россіи.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Каменноостровский, 22, и въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостинный Дворъ и Невскій).

3 р. 80 к.

